

**НОВАЯ
ПОДЖИВКА
КИБЕРУТОПИЯ**

US.

ОГОРАЖИВАНИЯ»

МАЙК

БРУКС

<i>Иван Лох</i>	
Киберутопия	1
Кто такой RMS?	1
Конец «золотого века»	2
GNU	2
Копилефт	3
GPL vs. BSD	4
«Нечаянный революционер»	5
«Собор и базар»	5
«Право читать»	6
Сопrotивление большого бизнеса	7
Политэкономия Утопии	8
<i>Иван Лох</i>	
Осада «Пиратской Бухты»	9
<i>Майк Брукс</i>	
Современное «огораживание»	13
<i>Иван Лох</i>	
Мученик копилефта	24

Иван Лох

КИБЕРУТОПИЯ

Эта статья про утопию. Про *нечто* такое, чего быть не может, и тем не менее *оно* есть. Компьютерные программы стоят немалых денег, недаром самое крупное личное состояние современного капитализма накоплено именно за счет торговли ими. Это кажется вполне разумным, ведь программисты тоже люди, они хотят есть, и значит, должны получать зарплату. А для того, чтобы они ее получили, пронырливые менеджеры должны взыскать тем или иным путем деньги за программное обеспечение, установленное на вашем компьютере. Ведь без него это просто несколько тщательно упакованных кристалликов кремния, прикрепленных к куску текстолита. Вы можете скопировать программу нелегально, но в этом случае Вы становитесь в глазах буржуазного государства преступником, ведь с точки зрения закона нет принципиальной разницы между использованием контрафактного программного обеспечения и хищением пива из супермаркета. Конечно, это не повод перестать воровать пиво, но было бы лучше, если бы было место, где поили бы пивом «на халяву».

Так вот, такое место есть. Правда, там дают не пиво, а только программный код. Что, впрочем, уже не плохо.

КТО ТАКОЙ RMS?

Кто же эти чудаки, работающие вечерами для того, чтобы осчастливить всех желающих своими программами? Это и есть жители Киберутопии. Утопия имеет много разных имен, однако наиболее общепринятое звучит как GNU. GNU — рекурсивная аббревиатура, расшифровывающаяся как «GNU's Not UNIX».

Утопию создал один человек, его зовут Ричард Столлман. В 1983 году сотрудник мекки программирования, знаменитой Лаборатории искусственного интеллекта Массачусетского Технологического Института (MIT AI Lab) позвонил в фирму Хегох и попросил прислать исходные коды драйвера нового лазерного принтера. Ему отказали. Впервые. Ричард Столлман понял, что что-то сломалось в этом мире, где информация о внутреннем устройстве программ стала прятаться, в лучшем случае, за подписками о неразглашении.

RMS много раз повторял потом, что начал свою титаническую борьбу не за право пользоваться программами бесплатно, а за право знать, чем он пользуется, право модернизировать, обсуждать и свободно распространять исходный код.

Это был типичный поступок Дон Кихота. Столлману не нравилось отсутствие свободных программ и он решил их написать. Он уволился из MIT для того чтобы администрация не смогла наложить лапу на результаты его труда, начал писать программы и раздавать их всем желающим.

КОНЕЦ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

За огромными пузырями дот-комов¹ скрывается тот очевидный факт, что до начала 80-х рынка программного обеспечения в современном смысле слова не существовало. Нет, конечно, программы продавали и покупали, но это были или разовые сделки, или постоянные контракты на поддержку работоспособности оборудования. Во всяком случае, покупатель получал исходные коды всех программ.

Что же изменилось в середине 80-х? Многое. Во-первых, постоянно падавшие несколько десятилетий цены на компьютеры достигли уровня массового спроса. Во-вторых, «Рейганомика» поставила научный мир с ног на голову. Знаменитым Актом Байля-Доуля 1980 года университеты получили право торговать разработками, финансировавшимися государством, в результате чего тысячи ключевых разработок в различных, прикладных в первую очередь, отраслях знаний, были приватизированы.

Впрочем, мелкие венчурные компании привлекали программистов не только из университетов. Крупнейшие корпорации США, такое как IBM, AT&T, Digital начали продавать свои «непрофильные активы», то есть разработки в более фундаментальных областях, ранее распространявшиеся под относительно либеральными лицензиями. Если раньше AT&T разрешала университетам свободно использовать наиболее популярную операционную систему того времени UNIX, AI MIT распространяла CAS² Macsima/Maxima, NCSA в UIUC — программы, обеспечивающие инфраструктуру WWW и так далее, то распродажа этих проектов поставила пользователей в жесткие коммерческие условия. Весь этот процесс, который полностью обескровил американские университеты, сопровождался беспрецедентной коррупцией.

Так в 1981 году Билл Гейтс, владелец компании с персоналом из двух человек, выпустившей незадолго до этого свой первый программный продукт — компьютерную версию игрушки «Монополия», купил у SCC за 50 000 долларов операционную систему QDOS (Quick and Dirty OS) крошечный клон CP/M, который авторы многократно пытались, но так и не смогли продать за небольшие деньги IBM. Немедленно после смены владельца «интеллектуальной» собственности, с IBM был заключен контракт на *право использования* этого «шедевра» программистской мысли. В сумме IBM эта сделка обошлась в несколько миллиардов долларов. Многие полагают, что подобрать ключи к мощи «Голубого гиганта», как часто называют IBM, Гейтсу помогла собственная мать — член совета директоров банка, где держали свои деньги многие руководители IBM. Впрочем, доказать факт коррупции так никому и не удалось.

GNU

Поэтому к тому моменту, когда Столлман решил создать альтернативную операционную систему, свободного, то есть неограниченно доступного, программного

¹От английского «.com», то есть компания, специализирующаяся на коммерческих услугах в сети Интернет

²Компьютерная алгебра

обеспечения практически не осталось. Ему предстояло написать все: операционную систему, утилиты, системные библиотеки, графический интерфейс, но прежде всего текстовый редактор и компилятор с языка C. Так появились emacs и gcc. Через год он создал небольшой фонд, который получал прибыль от поддержки и сопровождения ПО достаточную, чтобы обеспечить зарплатой несколько программистов.

В это время RMS в прямом смысле слова плыл против течения, даже программисты со сходными ценностями плохо понимали, что он делает. Тем немногим преподавателям университетов, которые сумели отстоять свое право писать общедоступные программы, не приходило в голову публиковать их под главным детищем RMS — лицензией GPL.

КОПИЛЕФТ

Столлман не был первым программистом, свободно распространявшим написанный им код. Так, известный теоретик программирования Дональд Кнут передал во «всеобщее владение» (public domain) исходные коды своей знаменитой издательской системы \TeX ³. Unix развивался некоторое время в Беркли под очень либеральной лицензией, с единственным ограничением на использование кода — необходимость делать ссылки на оригинальных авторов.

Такой подход был вполне естественен, ведь именно так распространяются научные знания. Деньги получает тот, кто сумел сделать прибор, использующий тот или иной принцип, открытый раньше совсем другими людьми. В тех или иных странах пять разных изобретателей считаются создателями радио, и едва-ли не национальными героями, Маркони, как первый оформивший патентную заявку, стал миллионером, а кто помнит имя германского ученого Герца, чьи работы были необходимым фундаментом для всех этих изобретений?

Такой подход всегда поощрялся буржуазными государствами посредством разного рода агентств и научных фондов. Без них, то есть без столь ненавистных либеральным экономистам государственных инвестиций, никакой технологический прогресс был бы невозможен. Венчурный капитал финансирует исследования максимум с ясной 1–2-летней перспективой, корпорации 3–7-летней, в то время как общий цикл разработки новых технологий занимает десятилетия. Для того, чтобы компьютерная индустрия стала рентабельной, потребовалось более 30 лет исследований, финансировавшихся государством!

Однако крупные компьютерные корпорации никогда не ограничивались лишь правом продавать модернизированные версии этих программных продуктов. Они проводили систематическую политику удушения свободных (бесплатных) программ. Перекупали лидеров этих проектов, манипулировали стандартами хранения данных, «привязывая» пользователей к своим решениям, лоббировали использование коммерческих программ в государственных структурах. Наконец, вступали в сговор с производителями компьютерного «железа» с целью не допустить авторов свободных программ к критически важной информации (спецификациям) процес-

³ В ее расширенной версии \LaTeX сверстана эта брошюра

соров и периферийных устройств. Авторы свободных программ никогда не имели возможности дать «подписку о неразглашении» (NDA) полученной информации, ибо вся она присутствовала в их свободных исходных кодах. Кроме того, множество патентов на алгоритмы, выданных в США, искусственно тормозили развитие свободного программного обеспечения. Если компании просто обменивались разрешениями использовать те или иные алгоритмы, или платили за них небольшие отчисления с каждой проданной копии, то сторонники свободного программирования не имели такой возможности. Самых упрямых — корпорации терроризировали нескончаемыми судебными процессами.

В такой ситуации Столлман предложил сообществу перейти в наступление, а именно — запретить распространение модифицированных версий свободных программ без исходных кодов. Другими словами, вы можете модифицировать программу и даже продать новую версию, но при этом вы не можете скрывать от покупателя исходные коды программы или любым образом запрещать их дальнейшее распространение. Таким образом возможность паразитировать на свободном программном обеспечении была ограничена. Вместе с юристами FSF Столлман разработал GPL (GNU General Public License).

GPL VS. BSD

Все последующее десятилетие не прекращались дискуссии между сторонниками двух принципиально различных лицензий на свободное программное обеспечение. Исходно большая часть свободных программ имели BSD-подобные лицензии, однако постепенно ситуация менялась. Желаящих тратить свое время для того, чтобы обогатились какие-нибудь жулики, становилось все меньше, что неизбежно приводило к постоянным конфликтам в командах разработчиков.

Когда-то разработчики системы X Window System — распространенного среды UNIX-подобных систем графического интерфейса, объединенные в рамках X Консорциума, были самыми последовательными противниками GPL. В 1998 году их команда распалась из-за идейных разногласий. Выпуская на протяжении нескольких лет сырой «полуфабрикат» для таких корпораций как IBM, Sun Microsystems и SGI, они вдруг заметили, что проигрывают технологическую гонку. Самый прогрессивный в середине 80-х — начале 90-х графический интерфейс превратился постепенно в слабое место всех Unix-подобных систем. Более того, для его полноценного использования требовались дополнительные коммерческие костыли: графическая библиотека Motif и десктоп CDE — суммарная стоимость которых превышала стоимость операционных систем от Micro\$soft. Кончилось это тем, что практически все первоначальные разработчики X Window ушли из проекта.

Еще более показателен пример проекта Wine — эмулятора/транслятора API операционной системы M\$ Windows, позволяющего запускать программы, скомпилированные под Windows, на Linux. Первоначально проект был лицензирован под BSD-совместимой лицензией, однако через 8 лет тяжелой работы десятков энтузиастов, когда появились первые серьезные результаты, нашлось много желающих нажиться на их программном коде. Используя закрытую информацию и

деньги инвесторов, различные компании стали выпускать коммерческие закрытые продукты на основе Wine. Такие как *wineX*, предназначенный для запуска компьютерных игр использующих технологию DirectX и *crossover office*, позволяющий запускать MS Office под Linux. В такой ситуации программисты из проекта Wine приняли решение выпускать новые версии программ под лицензиями GPL и LGPL.

Впрочем, свою самую значимую на сегодняшний день победу Столлман одержал много раньше.

«НЕЧАЯННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР»

Пропагандируя свои идеи, RMS всегда достаточно много ездил по миру, выступая с публичными лекциями. На одну из них, в университете финского города Турку, приятель затащил студента первокурсника Линуса Торвальдса. Сын финского коммуниста интересовался программированием много больше чем политикой, и, по его признанию, лекция не произвела на него особого впечатления. Что не помешало ей через год стать детонатором мины, подложенной под компьютерную индустрию. Линус использовал на своем домашнем компьютере операционную систему Minix известного теоретика программирования Танненбаума. Версия для Intel-совместимых компьютеров на процессоре AT-286 и младше была бесплатной, но за версию для 386 компьютеров надо было заплатить порядка \$20. Учитывая, что новый компьютер Линуса стоил почти в 2000 долларов, кажется — не дорого. Но Торвальдса возмутил сам принцип. Вместе со сложностью конвертации и пересылки денег, впрочем. Легендарная дискуссия с мэтром в конференции USENET завершилась обещанием Торвальдса создать *действительно свободную* операционную систему, если Танненбаум не освободит свою. На что последний отреагировал знаменитым — «она будет ненужной».

В отличие от микроядерных Minix и GNU Hard, студент второкурсник не собирався далеко отступить от учебного курса по архитектуре UNIX, который ему читали в университете. Он просто написал очередную версию UNIX. Какую по счету? Пятидесятую? Сотую? Этого не знает никто. Чисто технологически Танненбаум был прав — она была *obsolescence*⁴ — в тот момент в ней не было ничего нового. Кроме лицензии. Линус лицензировал новую операционную систему — Linux — под GPL. В конце августа 1991 года вышла первая общедоступная версия программы. Уже через несколько месяцев ее использовали и модернизировали десятки и сотни пользователей. Более того, неожиданно для самого Линуса Торвальдса, они собрали по подписке деньги и оплатили его долг за купленный в кредит персональный компьютер. Потом число пользователей Linux стало удваиваться ежегодно.

«СОБОР И БАЗАР»

Такой ход событий стал неожиданностью даже для Ричарда Столлмана. FSF планировала в рамках своего узкого коллектива разработать полнофункциональную операционную систему и затем предоставить ее всем желающим. У них был

⁴Излишней

тщательно разработанный план работ на десятилетие, но Линуса Торвальдса и его единомышленников не интересовали планы FSF. По меткому замечанию одного из идеологов нового движения Эрика Реймонда, вокруг собора FSF возник огромный базар (здесь имеется в виду больше не коммерция, а хаос). Linux был бы невозможен без ряда программ проекта GNU, в первую очередь компилятора, но это не мешало ему расти самому по себе. Неким стихийным образом.

Вне всяких планов и источников финансирования стали возникать тысячи самых разных проектов. От создания небольших пользовательских скриптов до программного обеспечения гигантских компьютерных кластеров. Тысячи из них гибли не выходя из пеленок, десятки тысяч достигали той стадии, когда они уже представляли практическую ценность для пользователей. Если автор бросал проект, его подхватывал другой. Чем больше становилось свободно доступного программного кода, тем легче было писать новые программы. Тем меньше становилось не охваченных областей прикладного программирования.

Вовлечение молодежи в движение свободного программного обеспечения не было вызвано в своей массе какими-либо рациональными соображениями. Это было *этическое и социальное движение* по своей сути. Десятки тысяч людей писали программы не для себя, а для других, для сообщества в целом. Еще большее число людей занималось поддержкой этих программ, отвечая на несчетные вопросы новых пользователей Linux в USENET конференциях и затем на интернет форумах. Таким образом миллионы людей стихийно выразили свой протест против идиотизма и неэффективности современного монополистического капитализма.

«ПРАВО ЧИТАТЬ»

Ширясь, это движение охватывало все сферы так называемой «интеллектуальной собственности». И не случайно, ведь впервые в истории человечества под угрозой оказалось право людей читать, слушать музыку и так далее. Корпорации с переменным успехом пытаются запретить людям обмениваться звукозаписями, программами, электронными книгами. Для мультимедийных корпораций это единственная возможность выжить в своих нынешних формах, для масс — покушение на их права.

В своей антиутопии «Право читать», вышедшей с подзаголовком: «выдержки из сборника статей о лунной революции „Дорога в Тихо“, опубликованном в Луна Сити в 2096 году», Столлман описывает мир, где главного героя должны посадить в тюрьму всего лишь за то, что он дает своей подруге воспользоваться своим персональным компьютером с коллекцией лицензионных книг. В конечном счете, они бегут на Луну, где в кратере Тихо Браге присоединяются к таким же отщепенцам. Жителям лунной утопии.

Как и многие другие западные интеллектуалы, Столлман вырывает лишь одну, самую уродливую на его субъективный взгляд, черту современного мира и обрушивается на нее изо всех сил. Так же ведут себя тысячи анархистов, зеленых, борцов за права животных, пацифистов, борцов за права человека — всех тех, кто пытается сделать современный капитализм чуть более приспособленным для жизни простых людей. Как и они, Столлман и его соратники вступили в безнадежную войну

с корпорациями, главным результатом которой для многих может стать понимание необходимости изменения всего социального устройства общества.

СОПРОТИВЛЕНИЕ БОЛЬШОГО БИЗНЕСА

Махатма Ганди сказал когда-то: «Сначала они не замечают вас, потом — осмеивают, затем начинают бороться и наконец — проигрывают». Именно это происходит сейчас в компьютерной индустрии. Половину своей недолгой истории Linux прятался в университетских лабораториях, затем вырвался на простор рынка интернет-серверов, быстро завоевав его большую часть, буквально сокрушив считавшиеся непобедимыми в конкурентной борьбе коммерческие юниксы. Теперь он готовится к решающему броску — на десктопы конечных пользователей. Использование свободного, не принадлежащего *никому* программного обеспечения противоестественно для топ-менеджеров — людей, до мозга кости пропитанных собственнической идеологией. Однако в условиях экономического спада бизнес не может больше выносить завышенные в десятки раз цены на сверхмонополистическом рынке программного обеспечения. Бессмысленная гонка за гигагерцами и гигабайтами, выливающаяся в полную смену компьютерного парка и программного обеспечения каждые три года в погоне за сомнительными преимуществами новых программ (и несомненной необходимостью поддерживать новые стандарты), стоит слишком дорого. Свободное программное обеспечение, как показывает практика, уже достаточно хорошо для многих областей само по себе, и почти всегда может быть дополнено сторонними коммерческими программами. В общем, это позволяет существенно (в разы) снизить издержки на поддержание парка компьютеров.

Если раньше руководство М\$ на словах ограничивалось шутками, делая, впрочем, при этом все возможное для того, чтобы предотвратить портирование коммерческих программ на Linux,⁵ то теперь Балмер изменил тон. Лицензия GPL была публично объявлена им «вирусной», подрывающей глубинные устои американского капиталистического общества. Представители М\$ обратились к американскому правительству с просьбой защитить их от «коммунистов», создавших «вирусный» программный код, который проникая в программы... будет делать их бесплатными! Звучит забавно. На самом деле, имеется в виду примерно следующее. Большинство программистов пишут программы, удовлетворяющие нужды конкретных, считанных потребителей. Эти программы не обращаются на свободном рынке. Заказчик оплачивает их разработку и конечная лицензия не имеет для него большого значения. Но использование свободного кода, накопленного сообществом, может значительно снизить издержки и ускорить производство. Такие прецеденты уже есть. Целый ряд компаний делает успешный бизнес, выпуская продукты под GPL лицензией.

В последнее время дело дошло до того, что в тесных рядах большого компьютерного бизнеса появились дезертиры. Ряд корпораций не выдерживает давления с двух сторон одновременно. С одной стороны, их давит монополия «Wintel»⁶, с

⁵Так Adobe, под давлением Майкрософт, отказалась продавать уже готовую Linux версию своей программы Framemaker.

⁶Так на сленге называют альянс Intel и майкрософт

другой подпирает свободный софт. Пока это по большей мере относится к производителям высокопроизводительных компьютеров⁷. Одна из крупнейших американских корпораций — «голубой гигант» — IBM выделяет на модернизацию Linux и его адаптацию к суперкомпьютерам более 1 миллиарда долларов ежегодно. Sun Microsystems выкупила программу Star Office и опубликовала ее исходные коды.

В результате холодная война стала горячей. Не выдержавшая конкуренции с Linux и купленная группой проходимцев компания SCO заявила, что часть кода последней стабильной версии Linux заимствована из исходников ранних версий UNIX V5, право на лицензирование которой они купили несколько лет назад. После чего они предъявили судебный иск IBM на 3 миллиарда долларов, обвинив их во внедрении технологий UNIX в Linux. Юристы SCO отказываются предъявить спорные участки кода, и большинство экспертов скептически оценивают их шансы в суде, но уже несколько тысяч крупных корпораций, просто использующих свободные программы в системе Linux, получили от SCO требования на оплату огромных сумм. Таким образом Майкрософт пытается предотвратить проникновение свободного кода в крупные корпорации, что будет означать ее гибель.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ УТОПИИ

Как же может существовать при капитализме этот причудливый мир, в котором люди бесплатно раздают результаты своего труда? Очень просто. Большинство самых сложных и дорогих программ пишутся исходно коллективом менее чем из 10 человек и менее чем за год. Конечно, потом их облепляют менеджеры, торговые агенты, директора, охранники и дизайнеры, но *объективная* стоимость большинства популярных программ легко может быть оценена из расчета тиража и издержек и лежит в диапазоне от одного до 10 долларов за копию. Включая стоимость носителя. Есть общее правило: до компьютерного бума стоимость полного комплекта программ не превышала 10% стоимости компьютера. Именно из-за низкой стоимости программного обеспечения издержки производства могут быть покрыты индивидуалами, общественными фондами или государством.

Эти цены разительно отличаются от цен на рынке исключительно из-за его монополистического характера. В условиях ослабления регулирования экономики недовольство потребителей и государства завышенными в десятки раз ценами на программное обеспечение находит свое выражение через использование феномена свободного программного обеспечения.

⁷За прошедшие с момента написания статьи годы Linux полностью вытеснил конкурентов с этого рынка *Red*.

Иван Лох

ОСАДА «ПИРАТСКОЙ БУХТЫ»

Важная новость из Стокгольма. Городской суд признал Готтфрида Свартхольма Варга, Петера Сунде, Фредрика Ней и Карла Лундстрема виновными в нарушении авторских прав. Они получили по году тюрьмы и штраф в размере 14,3 миллиона долларов за пособничество пиратству и нарушение законов об авторском праве. Сторона защиты настаивала на том, что, по своей сути, торрент-трекер функционирует подобно поисковому серверу Google, то есть просто индексирует ресурсы, размещенные на компьютерах пользователей. Это, конечно, уловка. Правильнее сравнить <http://thepiratebay.org> не с Google, а с Асталавистой, выдающей исключительно ссылки на warez, то есть на «ворованное» программное обеспечение.

Сам по себе torrent не более чем протокол передачи файлов между отдельными компьютерами. Он может быть полезен для быстрого распространения между пользователями больших объемов информации, но для распространенного нелицензионного контента необходима система, позволяющая найти обладателя нужного вам файла. Для этого есть два способа: глобальный — трекер, куда стекается вся информация о предлагаемых пользователями файлах, или DHT, позволяющий делать то же локально, через автоматическую систему запросов и анонсов внутри торрент-сети. Конечно, в таком случае процесс идет значительно медленнее, чем в случае наличия трекера. И, наконец, вам в любом случае требуется узнать хэш-сумму — своеобразный отпечаток пальца, однозначно идентифицирующий каждый файл.

В свете вышесказанного то, что трекеры вообще и «Пиратская бухта» в частности способствуют «хищению» материалов, защищенных авторским и смежными правами, очевидно. Другое дело — то, что в 1000 раз больше этому способствует сам факт существования интернета как, в большой степени, самоорганизующейся системы. За последнее десятилетие «Уорнер бразерс», «Сони», «Коламбия пикчерс» и прочие сотни раз штрафовали и закрывали через суд компании и организации, способствовавшие свободному распространению информации. Они обобрали до нитки, запугали, даже засадили в тюрьму множество людей, которые, в своей массе, даже не подозревали, что им угрожает за прослушивание 10-минутной музыкальной композиции. И что, что-нибудь изменилось?

Ровным счетом — ничего. Наоборот, улучшение инфраструктуры Сети, расширение каналов доступа превратило интернет в базовый инструмент приобщения молодежи к мировой «культуре». И к культуре без кавычек тоже. Каждый второй байт информации, передаваемой по каналам интернета — часть «контрафактного» файла. Огромные инвестиции последних двух десятилетий окажутся бессмысленны и никогда не окупятся, если весь этот трафик исчезнет. Конечно, корпорации пытаются легализовать систему, организовать сбор денег с потребителей «культурного продукта». Лучше это удастся на стыке интернета и мобильной телефонии

с ее принципом «платы за все». Однако, несмотря на значительный, на первый взгляд, оборот, все эти iTunes, iPhone, iPad охватывают узкие социальные группы и не могут изменить сложившуюся традицию бесплатного приобщения к культуре.

Это тезис может показаться странным. Авторские права, в трактовке сходной с сегодняшней, действуют больше столетия. Книги всегда стоили денег, часть из них — авторские отчисления. Тем более — билеты в кинотеатр или на концерт в филармонию. Однако, посмотрите внимательней. Книги стоят денег. Но кто мешает вам воспользоваться библиотекой? Интересная книга может оказаться на руках, может существовать очередь, но в этом случае вы можете работать в читальном зале. Когда кино вышло за рамки чистого развлечения повсюду в мире — появилось телевидение. Нравится оно вам или нет, но рано или поздно вы увидите там любой фильм. Еще раньше музыка зазвучала по радио. И несмотря на отчаянную борьбу различных продюсерских ассоциаций, требующих запретить все на свете, все это было и есть.

Индустриальная экономика нуждается в квалифицированной рабочей силе. А может ли формироваться квалифицированный специалист без определенной культурной базы? Конечно, нет! Но зарплата рабочего, скажете вы, включает в себе стоимость воспроизводства и в культурном аспекте, как указал еще Маркс. То есть рабочий может и заплатить за приобщение к культуре себя и своих детей. В принципе, это так. Но в общем культура не воспринимается многими как первичная, органическая потребность и, как следствие, финансируется по остаточному принципу. Таким образом, правящий класс, как целое, вынужден предоставлять массам доступ к значительной части контролируемого ими культурного богатства бесплатно.

Налицо противоречие между частью и целым капиталистического класса. Между собственниками и правообладателями и всеми остальными. В каком-то смысле это можно сформулировать как конфликт между «постиндустриальной» и индустриальной экономиками. Первые мечтают о «Интернет-2» — системе платных сервисов под жестким контролем. Вторые — о росте инфраструктуры, продажах оборудования, снижении дистрибьюторских и логистических издержек. В общем вторые, конечно, сильнее. Но для первых это вопрос рентабельности бизнеса, вопрос жизни и смерти. Поэтому это очень агрессивное лобби, тратящее огромные средства на подкуп законодателей в различных странах. Один пример. На протяжении полувека наследники Уолта Диснея добиваются удлинения срока действия авторских прав после смерти автора. Чтобы не выпустить из своих рук узнаваемый силуэт Микки Мауса, они последовательно добивались принятия Конгрессом США законов, увеличивающих этот срок с 10 до 15, 25, 50 и, наконец, до 70 лет!

По иронии судьбы, Уолт Дисней не придумал Микки Мауса. Он просто взял персонаж комиксов другого, умершего к тому времени автора, 10-летний срок охраны копирайта которого к тому времени истек. Это общая практика. Трудно найти литературное, художественное или, тем более, музыкальное произведение, которое не было бы основано на известных ранее идеях, мелодиях или текстах. Невозможно найти строгую меру такого заимствования, и огромное множество экспертов и судей в богатых странах тратят свое рабочее время на бессодержательные препирательства по этому поводу. В промышленности миллионы патен-

тов, так или иначе основанных друг на друге, или на «prior art», то есть на не зарегистрированных ранее результатах, переплелись в клубок, распутать который совершенно невозможно. Крупные корпорации патентуют тысячи фиктивных изобретений, вроде «двойного щелчка мышью», для того, чтобы потом договориться об обмене правами на использование патентов друг друга, и тем самым сделать возможным ведение бизнеса.

Так же как производство, творчество уже очень давно является коллективным процессом. Однако, в отличие от процесса производства стула, который столяр навряд ли сможет незаметно вынести за пределы предприятия, идеи, эскизы, технологии легко проходят через стены офисов, порождая хаос промышленного шпионажа. В литературе споры о подлинном авторстве тех или иных произведений не утихают столетия. Но если в средние века это был вопрос справедливости, то теперь это вопрос гонораров и доходов с продаж. С другой стороны, и индивид, создающий культурные ценности, как правило не способен реализовать свои смежные права самостоятельно. Жадные продюсеры скупают права на результаты творческого труда сотен тысяч музыкантов, кинорежиссеров, операторов, фотографов, писателей за гроши оптом и перепродают их миллионам людей в розницу. Сами они утверждают, что они несут большие издержки в процессе поиска талантов и их «раскрутки», что каждый новый фильм обходится им в миллионы долларов.

Правда ли это? Неужели общественно необходимый труд для создания этих произведений искусства так велик? На протяжении последних десятилетий корпорации, производящие компьютерные программы, утверждали тоже самое. Многомиллионные обороты, кампусы, набитые десятками тысяч программистов в США (и сотнями тысяч в Индии). Многочисленная обслуга: уборщицы, охранники и менеджеры, менеджеры, менеджеры. . . Потом внезапно выяснилось, что сравнимый по качеству продукт может один талантливый энтузиаст или три крепких профессионала. Да им тоже нужно есть, но прокормить несколько человек не проблема для тысяч пользователей. Вопрос лишь в финансовых механизмах, и они находятся. Другой пример — пресса. Изначально большинство газет и журналов были недоступны в интернете. Требовалась специальная или обычная подписка, для того чтобы читать статьи. Однако, как показала практика, их репортажи, новости и даже аналитические статьи не отличались по качеству от своих бесплатных аналогов в лучшую сторону. Люди читали свободные сетевые СМИ и, в конечном счете, сегодня большинство газет и журналов сделали свои публикации общедоступными. Сегодня можно говорить о своеобразном культурном слое, созданном под свободными лицензиями вроде «Creative Common».

Отрицание очевидного — такова политика правых политических сил в сегодняшнем мире. И приходя к власти в той или иной стране, они, присягая на верность идеям «Новой экономики», принимают законы, направленные против свободного распространения контента через интернет. Одна проблема — пока существует интернет, у властей нет шансов победить пиринговые сети. Хороший пример — Япония, где под лоббистским давлением «Сопу» жестокие «антипиратские» законы действуют уже более десятилетия. Единственное следствие этого

популярность децентрализованных P2P сетей с высокой степенью криптографической защиты, таких как «Winny» и «Share». В мировом масштабе такие сети как «FreeNet» и «GnuNet» уже накопили терабайты информации. Такие технологии как NETSUKUKU, наряду с увеличением емкости дисковых носителей и расширением каналов связи, позволят в ближайшей перспективе создать полностью анонимную распределенную сеть, которая охватит значительную часть мирового компьютерного парка, предоставив людям возможность свободно и безопасно обмениваться абсолютно любой информацией — от свежих фильмов до ядерных технологий.

Однако это не отменяет необходимости борьбы за свободу распространения информации и против смежных прав. Против коммерциализации культуры — за ее доступность массам.

Майк Брукс

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ — СОВРЕМЕННОЕ «ОГОРАЖИВАНИЕ»

Капитализм — жадная система. Он всюду ищет прибыль и все превращает в частную собственность. При этом он неизбежно уничтожает все те вещи, которыми мы владеем сообща — «общественное достояние». Мир во власти капитала. Наемные работники выполняют работу и возвращают капиталу прибыль, потому что не имеют другого способа заработать на жизнь. И всё дело в том, что в прошлом мы были лишены нашей общественной собственности, присвоенной растущим классом капиталистов.

Так что же? — все это в прошлом? На самом деле нет. Взгляните на Интернет. Что это как не общее интеллектуальное достояние, «общий переносчик» идей? Чистый воздух общий, как и чистая вода. Антарктика, бразильские дождевые леса и живая природа — всё это общественное достояние, и все находится под угрозой.

Сегодня мы расцениваем биологическое разнообразие как самоценное и нуждающееся в защите против разграбления частной прибылью. Кроме того прогресс, даже при капитализме, порождает новую общественную собственность. Радиоволны для мобильных телефонов, Интернет-адреса и генетические последовательности — все это общественные достояния, немислимые двадцать лет назад. Точно так же как крестьяне четыреста лет назад, мы не можем жить без общей собственности. И, так же как в прошлом, богатеи готовы захватить наше общее имущество в ходе нового «огораживания». Будем уверены, что на сей раз они не избегнут неприятностей с этим!

В «Капитале» Маркс объясняет процесс первоначального накопления, которое создало предварительные условия для капиталистического производства. С одной стороны, богатые приобрели состояние в деньгах, а не земле или рабах. С другой стороны, простые люди были низведены до лишенных собственности пролетариев, вынужденных продавать свою рабочую силу ради выживания.

«Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня.»¹

Маркс использует Великобританию как пример первоначального накопления. Частью этой экспроприации было отчуждение людей от общего имущества. Средневековые и ранние современные сельские общины имели в центре урожайные поля. Вокруг были «пустоши», поставлявшие древесину для топлива и строительства,

¹ «Капитал», т. I, стр. 727

проточную воду и права рыболовства и пастбища для скота. Сельские жители не могли выжить без этого общего имущества. Однако приход капитализма означал начало «огораживаний» — экспроприации этих земель у сельских жителей и превращения их в частную собственность богачей.

Общинная собственность — совершенно отличная от государственной собственности, о которой только что шла речь, — была старогерманским институтом, сохранившимся под покровом феодализма. Мы уже видели, что насильственная узурпация ее, сопровождаемая обыкновенно превращением пашни в пастбище, началась в конце XV и продолжалась в XVI веке. Однако в те времена процесс этот совершался в форме отдельных индивидуальных насилий, с которыми законодательство тщетно боролось в течение 150 лет. В XVIII столетии обнаруживается прогресс в том отношении, что сам закон становится орудием грабежа народной земли, хотя попутно крупные фермеры применяют и свои собственные маленькие методы². Парламентской формой этого грабежа являются «Bills for Inclosures of Commons» (законы об огораживании общинной земли), т. е. декреты, при помощи которых лендлорды сами себе подарили народную землю на правах частной собственности декреты, экспроприрующие народ.²

Поэт-крестьянин Джон Клэр оплакивал огораживания в своей родной деревне в Нортгемптоншире такими словами:

Обезображены поля,
 Где нам дарили тень
 Аллеи ив и тополя,
 Боярышника сень.
 Увы, теперь они пусты,
 Наш край уныл и гол
 Топор не милует кусты,
 Срубает каждый ствол.
 Здесь дереву не устоять,
 Лес пал от рук врага
 Они ручьи пустили вспять,
 Вспахали все луга,
 Ведь им к листве, к ветвям густым
 Чужд состраданья дар
 Топор несет не милость им,
 А роковой удар.

Для своего появления капитализм потребовал революции в отношениях между классами и революции в образе нашего мышления. Карл Поланий хорошо знал об этом. «В экономической вседозволенности не было ничего естественного; свободные рынки, возможно, не возникли бы просто путем обычного хода вещей». «В то время как неконтролируемая экономика была порождением преднамеренного государственного действия, последующие ограничения на невмешательство начались спонтанно. Невмешательство было запланировано; планирование — нет».

Капитализм должен был долго и тяжело бороться против того, что историк Э. П. Томпсон называет «моральной экономикой», этическим и практическим кодек-

² «Капитал», т. I, стр. 736

сом, радикально расходящимся с капиталистическим поведением. Эта часть народной песенки семнадцатого века иллюстрирует ту ненависть, которую огораживания вызывали у простого люда:

Карает закон женщину и мужчину,
Коль те украдут гуся у общины,
Но на свободе жиреет злодей,
Который общину украл у людей.

Подобный процесс экспроприации имел место в шотландских горах годы спустя после Culloden. Маркс объясняет ситуацию.

«Кельты горной Шотландии жили кланами, каждый из которых был собственником занятой им земли. Представитель клана, глава его, или «большой человек», был собственником этой земли лишь в силу титула совершенно так же, как английская королева является в силу своего титула собственницей всего национального земельного фонда».³

«В XVIII столетии для согнанных с земли гэлов запретили к тому же эмиграцию, так как хотели насильно загнать их в Глазго и другие фабричные города. Как пример метода, господствующего в XIX столетии, мы возьмем здесь „очистки“, произведенные герцогиней Сатерленд. Как только бразды правления попали в руки этой особы, весьма просвещенной в вопросах политической экономии, она решила немедленно же приступить к радикальному экономическому лечению и превратить в пастбище для овец все графство, население которого прежними мероприятиями аналогичного характера уже было уменьшено до 15000 человек. С 1814 по 1820 г. эти 15000 жителей — около 3000 семей — систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища».⁴

В описании процесса экспроприации, Маркс выделяет два момента. Первый — в том, что та собственность не сводилась к частной собственности. Есть также коммунальная собственность сельских жителей и клана. Второй момент — то, что обычная экономика действовала повсюду как оправдание этого легализованного грабежа общинных земель. Отсюда саркастическая ремарка о Герцогине Сазерленд — «хорошо осведомленная в экономике». Искаженные понятия буржуазной экономики сводят всю собственность к собственности частной. В конце концов, как земельное дворянство могло украсть общее достояние, когда оно никому не принадлежало?

«Экономикс» продолжает оправдывать разворовывание общественного достояния. Классический пример — статья Гарретта Хардина «Трагедия общественной собственности»⁵. Хардин был профессором экологии человека в Калифорнийском Университете. Он не сторонник эмпирических исследований на эту тему. Он предпочитает призывать читателя провести так называемый «мысленный эксперимент».

«Вообразите пастбище, открытое для всех», — предлагает он нам. Результат очевиден! Жадные индивидуумы будут чрезмерно пасти свой скот, потому что «эф-

³ «Капитал», т. I, стр. 740

⁴ «Капитал», т. I, стр. 741–742

⁵ «Science», 162, 1968, стр 1243–1248

фекты вытаптывания пастбища общий для всех пастухов». Решение не представляет неожиданности! «Трагедия общего достояния как корзины с продовольствием предотвращена частной собственностью».

Хардин, возможно, заработал бы на жизнь как экономический советник Герцогини Сазерленд! Подобно его предшественникам, Хардин превозносит достижения эффективности как оправдание огораживаний. В действительности они были формой классовой борьбы, направленной на то, чтобы лишить бедняков любой возможности выживания независимо от богатеев и поставить к ним на службу ради заработка на корку хлеба.

Теорема Хардина выдумана с начала до конца. Общая собственность на деле не была открыта всем до единого для выпаса своего скота. Это право принадлежало людям, известным как общинники, обычно местным сельским жителям. Даже общинное право выпаса строго регулировалось должностными лицами, известными в Великобритании как бидли, чтобы предотвратить вытаптывание пастбища. Интернет-ресурс Wikipedia (в секции „Исторический фон“ о тезисе Хардина) сообщает: «Историки ... согласны, что свидетельств нежизнеспособности использования общинных земель не имеется».

Хардин мог бы проверить свой тезис, просто спросив об этом коллег из отдела экономической истории. Если бы он проконсультировался с антропологами, он опять-таки потерпел бы неудачу.

Эколог Джордж Монбиот изучает племя масаев, живущих скотоводством в Кении и Танзании.⁶ Они расценивают свои земли как коллективно принадлежащие им, масаям, но не открытые для всех. Многовековая мудрость заставляет их использовать тонкую экосистему, в которой они живут, с самой большой осторожностью, чтобы сохранять её жизнеспособность. Их образ жизни теперь под угрозой исчезновения из-за вторжения капитализма — не то заключение, которое поощрил бы Хардин.

Несмотря на всю свою сомнительность, басня Хардина стала общепринятой мудростью среди братства экономистов. Хардин — ученик экономиста Томаса Мальтуса. Мальтус полагал, что рост народонаселения сталкивается с конечностью природных ресурсов. Это был мощный реакционный аргумент в девятнадцатом столетии. Следовательно, единственное, что мог сделать рабочий класс для улучшения своего удела — покрепче впрячься в узду! (Маркс обширно критиковал Мальтуса, но мы здесь не станем касаться этих споров).

С одной стороны, Хардин использует свою мальтузианскую перспективу, чтобы опровергнуть понятие, будто разумные (что значит максимально прибыльные) индивидуумы произведут оптимальное равновесие. Это часто называют теоремой «невидимой руки» Адама Смита, классическое оправдание неконтролируемого капитализма. По сравнению с оптимизмом Адама Смита о гармонии и прогрессе (при капитализме), мальтузианский пессимизм Хардина на тему вечного состояния человечества можно расценить как шаг назад.

С другой же стороны, причина, по которой «невидимая рука рынка» согласно

⁶ «Ничейная Земля: любопытная поездка в Кению и Танзанию», 2003

Хардину не работает в случае с общественной собственностью, состоит в том, что для жадных индивидуумов есть стимул перекармливать свой скот, так как затраты переносятся на других. В результате страдают все.

Это — пример того, что экономисты называют внешним воздействием. Это означает, что в «обычной» создающей прибыль деятельности индивидуумы или фирмы случайно производят побочные эффекты, затрагивающие третьи лица. Внешние воздействия могут быть положительными или отрицательными. Фирма производит сталь, но также и дым. Астма для тех, кто живет около сталелитейного завода — определенно 'отрицательное внешнее воздействие'. Также и разрушение общественного достояния.

Крайний пример внешних воздействий на экономическую деятельность — общественные услуги. Это относится к узкому диапазону продуктов с двумя характеристиками. Они являются неконкурентными в потреблении и неисключительными. Общественные услуги должны сравниваться с частными товарами. Те являются конкурентными в потреблении. Если я ем KitKat, Вы не можете есть тот же самый KitKat. Я могу также лишить Вас доступа к моему KitKat, купив его и спрятав в карман — то есть я могу отстранить Вас от него.

Чистые общественные услуги неконкурентны в потреблении. Свет уличного фонаря может позволить любому числу людей найти дорогу из паба домой — это стоит не больше, чем осветить путь для одного человека. И невозможно выключить свет, если приходит кто-то, кто не заплатил местный налог совету, обеспечивающему уличное освещение.

Хардин использует эту концептуальную структуру, и утверждает, что трава в общественной собственности ограничена и может выдержать только конечное число животных. С другой стороны, невозможно отстранить чужаков от использования в своих интересах общественных благ. Это называют свободной проблемой наездника. Так что общественная собственность в терминах неоклассической экономики конкурентна, но не-исключительна. Пример, данный учениками Хардина — истощение рыбных запасов в силу того, что всемирная рыбная ловля есть общественная услуга. Истощение рыбных запасов — факт, но что Хардин удобно игнорирует — так это то, что причиной этого является капиталистическая жадность, а не какой-то недостаток в человеческой природе.

Однозначно, что большинство учебников экономики уделяет общественной собственности страницу или около того как исключению из правила, и затем посвящает остальную часть книги обращению всех товаров, как будто они — чистая частная собственность. Эта экономическая перспектива глубоко внедрена. Для капитализма общественная собственность не поддается логике накопления капитала.

Зачем беспокоиться об этом? Все мы живем в небольших коробках, и вся собственность — частная собственность. Разве все мы — не неумищие члены рабочего класса, и тем лучше для этого? Фактически, нет. Точно так же как сельские жители четырехста лет назад, человечество не может жить без общего.

В действительности люди не постоянно тянут к себе, как предполагают Хардин и ортодоксальная экономика. Интернет стал настолько обширным, потому что лю-

ди хотят разделить свои мысли с другими и не чувствуют потребности получать за это плату. (На деле я достал статью Хардина в Интернете. Мне не пришлось идти в библиотеку, чтобы прочесть ее. Библиотека — учреждение, которое собирает книги и журналы — однажды проданные и ставшие чьей-то частной собственностью — и обеспечивает более широкий доступ к ним).

Капитализм не может существовать без такого общего достояния. Однако обшая тенденция для капиталистов — уничтожать общественную собственность, обращая ее в частную. Самый большой предмет общей собственности — планета Земля как дом всего человечества. Если капитализм уничтожит её через свою близорукую жадность — чего еще можно избежать — это будет существенным «внешним воздействием».

Маркс замечает:

С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как *boni patres familias*⁷.

Учебники экономики могут обойтись делением: общественные блага/частные блага. Реальный мир многоцветен. Свойства публичных услуг широко распространены в предметах потребления, которые нельзя отнести к чисто общественным товарам. Томас Джефферсон сказал об идеях, что они походят на свет свечи. Они могут передать свой свет чужой свече без потускнения собственного. Другими словами, идеи являются неконкурентными в потреблении. Это важно для нас, как материалистов, мы — марксисты — знаем, что идеи движут миром!

Неоклассическая экономика имеет проблему с общественными услугами. Она имеет эту проблему, потому что капитализм имеет проблему с общественными услугами. Экономисты типа Пигу ввели в оборот неоклассическую экономику благосостояния. Это попытка оценить и судить экономические результаты и установить, когда рынки поставляют «оптимальные» результаты, а когда они терпят неудачу. Рынки, говорят экономисты благосостояния, оптимальны, когда цена равна крайней стоимости (стоимость поставки другой единицы). При этих условиях предполагается, что крайняя выгода равняется крайней стоимости и общая выгода максимизируется относительно общих стоимостей.

Общественные услуги были идентифицированы как случай рыночной неудачи, когда капитализм не может поставить оптимальную продукцию. Повторим, общественные услуги имеют две характеристики:

Отсутствует конкуренция в потреблении, потому что имеется нулевая стоимость воспроизводства для другого пользователя. Логика этого в неоклассической экономике благосостояния — то, что услуга должна предоставляться бесплатно. В конце концов, стоимость взимается в неоклассической теории только потому,

⁷Добрые отцы семейств

⁸Капитал, том III ч.2, стр. 337

что поставка дополнительной единицы предусматривает дополнительную реальную стоимость.

Проблема бесплатного предоставления услуги в том, что для капиталиста очевидно нет никакого стимула предоставлять услугу вообще, так что капитализм систематически недопоставляет общественные услуги и рынки терпят крах.

Вторая характеристика общественных услуг — то, что поставщик должен быть неспособен предотвратить бесплатное использование своего продукта получателями и получение ими выгод без оплаты. Классический пример — свет уличного фонаря или маяка. Каким образом капиталист может обменять свет на прибыль?

Центральная мысль нашей статьи в том, чтобы взглянуть на идеи как на товар, в который капитализм стремится их обратить, чтобы получить деньги. Маркс знал, что продажа идей создала проблему при капитализме. В «Теориях прибавочной стоимости» он говорит:

«Продукт умственного труда — наука — всегда ценится далеко ниже ее стоимости, потому что рабочее время, необходимое для ее воспроизведения, не идет ни в какое сравнение с тем рабочим временем, которое требуется для того, чтобы первоначально ее произвести. Так, например, теорему о биноме школьник может выучить в течение одного часа».⁹

И в первом томе «Капитала»: *«Раз закон отклонения магнитной стрелки в сфере действия электрического тока или закон намагничивания железа проходящим вокруг него электрическим током открыты, они уже не стоят ни гроша.»*¹⁰ И в сноске на той же самой странице: *«Наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что ни сколько не препятствует ему эксплуатировать ее.»*

И еще:

Заметим мимоходом, что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов. Вышесказанное получает новое подтверждение в неоднократно наблюдавшихся фактах:

1. В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками ее производства в последующем, о чем писали Юр и Баббедж.
2. В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий, возникших на его развалинах, *ex suis ossibus*¹¹. Этот момент настолько значителен, что предприниматели-пионеры в своем большинстве терпят банкротство, и процветают лишь их последователи, которым строения, машины и т. п. достаются по более дешевым ценам. Именно поэтому наибольшую выгоду из всякого прогресса всеобщего труда и человеческого разума, из общественного применения этого прогресса комбинированным трудом в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала.

⁹ «Теориях прибавочной стоимости» том I, стр. 355

¹⁰ «Капитал» т. I, стр. 398.

¹¹ На его костях

Так что информации и идеям присущи некоторые — но не все — свойства публичных услуг. Можно продать информацию, хотя тут есть проблемы. Идеи могут быть исключены из пользования других людей. Но их потребление не предотвращает использования кем-либо еще — они не являются конкурирующими в потреблении. В этом смысле мир идей — противоположность «трагедии общественной собственности». Они должны быть общедоступны, но капиталисты могут присвоить их — и именно это они пытаются сделать.

Аристотель презирал софистов, потому что те продавали философию за деньги. Он сказал, что с их стороны было мудро требовать деньги вперед, так как «никто не станет платить за то, что уже знает». Проблема продажи информации в том, что её раскрытие потенциальному покупателю делает её ничего не стоящей. Но есть способы упаковки информации как товара. И это может быть весьма выгодно! Деловые и юридические базы данных ценятся особенно высоко.

В интересах развития производительных сил было бы выгодно свободное распространение всей информации и инноваций в экономике. При капитализме, однако, в таких условиях инноваций бы не было вообще. Только сдерживая распространение идей и взимая плату может капитализм развивать силы производства. *Другими словами, это пример капитализма как оков на развитии производительных сил.*

Мы естественно расцениваем идеи, — труды ли Шекспира, навык ли по накачке шины у велосипеда или двучленную теорему, — как общественную собственность. Они — часть нашего общего наследия; основание того, чего мы достигли и стартовая площадка для дальнейшего прогресса человечества.

Сейчас, однако, в некоторых классах идей была искусственно создана частная собственность. Она называется *интеллектуальной собственностью*. Цель этих законов состоит в том, чтобы при капитализме дать стимул для индивидуумов производить новые идеи и ограничить их свободное использование другими. Взамен создателям предоставляется монополистическая собственность на продукты их мысли в течение ограниченного периода и право взимать деньги с других за пользование. Способствовало ли это усиленному производству идей — вопрос спорный. Маркс понял, что Джон Мильтон будет сочинять поэзию, найдет ли он покупателя для рукописи или нет, поскольку, *«Мильтон создавал „Потерянный рай“ с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк.»*¹²

В любом случае, творение редко бывает результатом только индивидуального гения. Все мы состоим из достижений других как кирпичиков в нашей собственной мысли, даже не осознавая этого. Именно так человечество движется вперед. И они хотят остановить это! Лоуренс Лессиг настаивает на этом пункте.¹³

Комический дуэт братьев Маркс был забавной вещью; но он произошел от давней традиции исполнителей, заимствовавших и воровавших друг у друга шутки и расхожие приемы — и улучшавших их. (Значит никаких прав интеллектуальной собственности в шутках!)

¹²«Теории прибавочной стоимости», том I, стр. 410

¹³Свободная культура: природа и будущее творческого потенциала, 2005

Уолт Дисней брал сказки наподобие «Белоснежки», собранные братьями Гримм и превращал их в полнометражные мультфильмы. На странице 87, подчеркивая общественный характер творческого потенциала и культуры, Лессиг утверждает, что Шекспир написал «Ромео и Джульетту». В действительности основы сюжета лежат в «Метаморфозах» Овидия, написанных на латыни во времена Христа. Это делает Шекспира плагиатором? Живи он сегодня, он трепетал бы в страхе перед полицией интеллектуальной собственности?

Пример этой интеллектуальной собственности — авторское право. Книги Чарльза Диккенса были очень популярны в США в девятнадцатом столетии, но он не получал ни пенни от пиратских изданий, выпущенных там. Но принцип таков, что Диккенс написал книги; он заслужил вознаграждение. Этот принцип поставлен с ног на голову новым приватизаторами, использующими право интеллектуальной собственности, чтобы украсть наше общее интеллектуальное достояние. Классический пример — статьи, написанные академиками для научных журналов. Вы могли бы подумать, что им платили за их усилия. Ничего подобного. Они закрепляют авторское право за издателями. Они не могут даже распространить написанную ими статью среди собственных студентов без разрешения.

Но именно академики придумывают инновационные идеи, если они те, кто они есть. Авторское право не защищает их, если их работа издана в журнале. Оно защищает горстку глобальных издательских компаний — Thomson, Elsevier, Lexis/Nexis, Тэйлора и Фрэнсиса и так далее — кто доминирует над этим рынком. А кто платит академиком, чтобы производить исследования? Мы. Через наши налоги мы субсидируем исследовательские отделы наших общественных университетов. Мы фактически субсидируем эти супербогатые издательские компании делать деньги из идей других людей. Они продают большинство академических журналов университетским библиотекам обычно по цене в три раза большей, чем частным лицам. Университетская библиотека, поработанный покупатель, взывает о помощи к правительству. Мы платим снова. Вот результат: общая интеллектуальная собственность распахана и огорожена точно так же как Зеленый Хеллстон.

Авторские права непрерывно расширяются с тем, чтобы вторгнуться в общую собственность на идеи. До недавнего времени американская издательская корпорация «Запад» утверждала, что имеет право на все американские судебные дела с 1776 года, потому что она издавала репортажи. По крайней мере книгу или журнал, как только Вы заплатили за доступ к содержанию, Вы можете продать или передать. В эти дни академические журналы, скорее всего, будут поставляться в университетские библиотеки в форме баз данных. Библиотека арендует их у владельца базы данных, который может ограничить доступ диалоговым содержанием. Библиотека никогда не сможет завладеть информацией или статьей из базы данных. С книгой или журналом библиотека может создать подшивку через какое-то время. Но с базой данных учреждение должно каждый год возобновлять подписку, чтобы сохранить доступ к прошлым номерам.

Дополнительный результат этого нового огораживания — замедление в процессе взаимного обмена идеями, ради которого, как предполагается, и существуют академии. И, если эти идеи полезны для человечества, их распространение будет

замедлено монополистами, кои — какая ирония! — утверждают, будто владеют идеями, которых они никогда не придумывали. Убийственной фразой Болльер в своей книге «Тихое Воровство» заклеил «откат к средневековью национальной системы инноваций». Дэвид Болльер,¹⁴ Он сравнивает попытку капиталистов захватить прибыли от «их» интеллектуальной собственности с дорожным грабежом средневековых аристократов, которые наносили ущерб торговцам и ограничили рост торговли и процветания.

Интеллектуальные права попадают повсюду. И они никакой не стимул к творчеству. Хильберто Гиль был известным бразильским музыкантом, и является теперь министром в тамошнем реформистском правительстве. Он видит жесткие законы интеллектуальной собственности как идею XX столетия, и говорит, «XX век — *cul de sac*». Он решил подать пример, сделав свои песни доступными для бесплатного скачивания. Time Warner не согласились, и Time Warner победили. Хильберто написал и исполнил песни. Что же когда-либо «создали» Time Warner кроме денег?

Права частной собственности уже распространены на радиоволны, так что радио- и телекомпаниям даны монопольные права на вещание — «лицензия печатать деньги». Сенатор Джон Маккейн, критик американской распродажи разнообразным крупным СМИ и развлекательным монополиям, прокомментировал, что это «один из величайших разбоев в американской истории. Раньше грабили поезда на Старом Западе, теперь мы грабим эфир».

Разграбление капиталистами природного мира — тема, которой мы уже коснулись, так что будем кратки. Всемирный Фонд Природы в 1988 сообщил, что около 30% природы были разрушены за предыдущие 25 лет человеческой деятельностью. Это разрушение стремительно продолжается. Эта планета была нашим домом в течение приблизительно двух миллионов лет. Сколько еще осталось?

Разрушение тропического леса Амазонки — не только конец бесчисленных незаменимых форм флоры и фауны. Согласно ученым, леса — наш главный «сток» для поглощения избытка углекислого газа, отравляющего нашу планету. Антарктида — не только уникальная дикая местность. Её таяние — часть процесса глобального потепления, которое может низвергнуть грядущие поколения в нищету.

Самым позорным образом собственность была распространена на формы жизни. Американская фирма RiceTec заявила свои права на рис «басмати». Каждый знает, что этот рис выращивался в течение многих столетий в тени Гималаев в Индии и Пакистане и давным-давно выведен безмянными крестьянами. Эти крестьяне расценили бы этот превосходный сорт риса как подарок будущим поколениям.

Раскрытие человеческого генетического кода ДНК (объявленного основной жизни) сопровождалось беготней разных капиталистов по патентным ведомствам с заявлениями, будто они владеют частицами всех нас. Пока еще рано говорить, что это будет означать на практике, но кажется, что они просто смеются над нами. Подобно йоменам, изумленно моргавшим, услышав от помещиков, будто те вла-

¹⁴ «Тихое воровство: частный грабеж нашего общего богатства», Routledge, 2003.

деют кроликами, прыгающими внутри и вне их земель, нам совершенно дико, что люди (а фактически корпорации) могут утверждать, будто владеют жизнью как таковой.

Что характерно для любой общей собственности: поскольку пользование ею одного человека ничуть не мешает другим, самая полная причастность всех участников делает средство более полезным и удобным для всех. Чем больше, тем лучше. В этом смысле, общественная собственность — противоположность конкурентных услуг. Чем больше людей загружают содержание Интернета, тем лучше он работает для нас всех. Те, кто стремится приватизировать это общественное достояние, на ходу обедняют ценность сети в целом, и всех нас. Частная собственность и мотив прибыли — самая большая угроза нашему наслаждению новой общественной собственностью, нашему прогрессу и даже нашему существованию как биологического вида.

Иван Лох

МУЧЕНИК КОПИЛЕФТА

Аарон Шварц (Aaron Swartz) — программист, публицист, активист был доведен 11 января 2013 года до самоубийства американской судебной системой. В 14 он написал спецификацию широко распространенного формата для агрегации новостей RSS. Как программист он был интегрирован в святая-святых современного интернета — в комитеты по стандартам, участвовал в доработке стандарта PDF, сотрудничал с создателем World Wide Web Тимом Бернерс-Ли.

Активный борец с цензурой в интернете, он стал одним из создателей организации Demand Progress, поставившей своей целью борьбу с любой цензурой. В первую очередь против SOPA. Талантливый технический и социальный публицист, он глубже многих понимал природу расхищения принадлежащих всему человечеству знаний. Особенно возмущала его обычная сегодня ситуация, когда компании, университеты или государственные органы вымогали деньги за публично доступные документы и материалы. Как сотрудник Центра этики им. Сафры Гарвардского университета, он боролся с этими тенденциями идейно, но и не только!

В 2006 он сумел скачать картотеку Библиотеки Конгресса и сделал ее полностью доступной в проекте Open Library. Хотя картотека не может быть защищена законом США об авторском праве, доступ к ней был исходно сильно ограничен.

В 2008 году он участвовал в проекте, позволившем бесплатно получить документы из архива Федерального суда США. Его преследовало ФБР, однако абсурдность ситуации, когда Федеральный суд, по сути дела, продавал документы, которые должны были быть общедоступными, взимая деньги за некие «технические услуги», не позволила ФРБ довести дело до суда.

В 2011 годы он скачал порядка миллиона документов, входящих в онлайн-библиотеку JSTOR с сайта MIT. Проект JSTOR, основанный несколькими крупнейшими университетами США, ставил своей целью отсканировать старые и малопопулярные журналы, что позволило бы ограничить физический рост библиотечных фондов. В конечном счете, в JSTOR вошло большое количество университетов повсюду в мире. Однако, несмотря на труднодоступность журналов и крайнюю сомнительность претензий текущих «правообладателей» JSTOR исторически *продавал* статьи всем желающим. Надо сказать, что до определенного времени журналы часто не утруждали себя вынуждением авторов к передаче копирайта на свои статьи и, вообще, непонятно, почему они их считают своими. С другой стороны, многие старые статьи недоступны нигде, кроме JSTOR, их авторы давно умерли, и нет никакой возможности получить их копии иначе, чем в нескольких крупнейших библиотеках. Заметим также, что JSTOR принципиально не распространяет свежие номера журналов, а наиболее востребованные журналы в нем вообще недоступны.

То, что делал Аарон, в терминах правообладателем называется «массовым скачиванием». То есть он брал то, что несомненно мог брать, но в слишком больших

количествах. На самом деле, это типовое нарушение лицензионного соглашения, и подобные конфликты между библиотеками и читателями возникают и улаживаются ежедневно. В данном случае, Массачусетский Институт Технологий также не стал подавать на сотрудника Гарварда в суд. Однако неожиданно для всех проявила инициативу прокуратура.

Федеральный прокурор США Кармен Ортис заявила буквально: «Воровство есть воровство, неважно, использовали вы компьютер или лом, украли вы документы, данные или доллары». Очевидно, что целью этих действий было сведение счетов с активистом движение копилефт и политическая демонстрация жестокости организаций правообладателей. Шварцу грозило возмещение ущерба в сумме одного миллиона долларов и тюремное заключение сроком более 30 лет. У него не было денег на адвокатов. Находясь в тяжелой депрессии, он совершил самоубийство.

Его смерть мобилизовала сотни тысяч человек. От хакеров из группы Анонимус, осуществивших дефейс сайта MIT, до ряда американских конгрессменов, потребовавших отмены наиболее одиозных статей Computer Fraud and Abuse Act, формально использованных для обвинения Аарона Шварца. Еще раньше руководство университетов, входящих в JSTOR, решило сделать свободно доступными статьи, на которые истек в соответствии с законами США срок авторского права.

Но научному сообществу не нужны подобные подачки. Сотни тысяч ученых делают доступными свои или скопированные статьи, публикуются в свободно доступных электронных журналах. Эти ручейки сливаются в многоводную реку свободной информации. Происходит то, ради чего Аарон Шварц пожертвовал своей жизнью.

**НЕТ ФЗ #187!
ЗА СВОБОДНЫЙ
ИНТЕРНЕТ!**

WWW.1917.COM

**Марксистская
Тенденция**

**Оставляйте комментарии
на <http://vk.com/international4> и info@1917.com**